

А.С. Сахаров, Л.Б. Четырова

Внутренняя колонизация России и формирование нации: в контексте земельных взаимоотношений русских с калмыками в конце XIX – начале XX в.¹

Alexey S. Sakharov, Lyubov B. Chetyrova

Russia's internal colonization and nation formation: in the context of land relations between Russians and Kalmyks in the late XIXth – early XXth century)

Статья посвящена рассмотрению отношений русских крестьян и калмыков на рубеже XIX и XX столетий. В качестве материала избрана работа православного миссионера и этнографа Я.П. Дубровы «Быт калмыков Ставропольской губернии до издания закона 15 марта 1892 года» [5]. Анализ заявленной темы произведен на методологической основе деколониальной теории (В. Миньоло, Э. Дуссель, А. Кихано, М. Тлостанова), а также теории внутренней колонизации России (В. Морозов, А. Эткинд). В первом параграфе представлен обзор использованной научной литературы. Выявлены центральные положения и подходы исследователей в контексте темы статьи. Освещена проблема недостаточного рассмотрения аспекта этнических различий в теории внутренней колонизации России. Во втором параграфе рассматривается национальная политика Российской империи XIX столетия. Показываются механизмы конструирования колониальных иерархий между высшими и низшими сословиями, а также этническими русскими и инородцами. Помимо этого, в данной части исследования задействуется теория национализма британского социолога Б. Андерсона, с помощью которой были выявлены социальные феномены, классифицированные как признаки официального и гражданско-республиканского национализмов. Приведены и проанализированы фрагменты книги Дубровы, демонстрирующие проблемы отношений русских крестьян и калмыков в Российской империи. В третьем параграфе представлен анализ национальной политики советской эпохи. В рамках концеп-

¹ Исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда № 22–28–01767, <https://rscf.ru/project/22-28-01767/>

ции советской модерности М. Дэвид-Фокса показывается сохранение субалтерного положения русских. Одновременно с этим демонстрируется статус этнических русских как «народа-спасителя» – важнейшего сюжета советской колониальной матрицы. В заключении приводятся выводы.

Ключевые слова: внутренняя колонизация, калмыки, русские крестьяне, Российская империя, субалтерн, модерность, этнические различия, колониальные различия.

The article is dedicated to the relations between Russian peasants and Kalmyks at the turn of the 19th and 20th centuries. “Life of the Kalmyks of the Stavropol province before the publication of the law on March 15, 1892” by the Orthodox missionary and ethnographer Ya.P. Dubrova [5] is the basis of the work. The analysis was carried out on the methodological basis of decolonial theory (V. Mignolo, E. Dussel, A. Quijano, M. Tlostanova), as well as the theory of internal colonization of Russia (V. Morozov, A. Etkind). The first paragraph provides an overview of the academic research on the topic. Core provisions and approaches are identified. The problem of insufficient consideration of the aspect of ethnic differences in the theory of internal colonization of Russia is highlighted. The second paragraph examines the national policy of the Russian Empire in the 19th century. The mechanisms for constructing colonial hierarchies between the higher and lower classes, as well as ethnic Russians and foreigners are shown. The theory of nationalism by the British sociologist B. Anderson provided the way to classify social phenomena as signs of official and civil-republican nationalism. Fragments of Dubrova’s book are presented and analyzed, demonstrating the problems of relations between Russian peasants and Kalmyks in the Russian Empire. The third paragraph presents an analysis of Soviet-era nationality policies. Within the framework of the concept of Soviet modernity by M. David-Fox, the preservation of the subaltern position of Russians is shown. At the same time, the status of ethnic Russians as a “savior people” is demonstrated – the most important plot of the Soviet colonial matrix. Finally, conclusions are presented.

Keywords: internal colonization, Kalmyks, Russian peasants, Russian Empire, subaltern, modernity, ethnic differences, colonial differences.

Актуальность. В ситуации кризиса политических идеологий эпохи модерна и отхода России от западных моделей развития перед российским обществом встает задача поиска новых – немодерных – стратегий консолидации социума. Задача эта представляется важной еще и ввиду полиэтнического характера России, что, несомненно, необходимо учитывать, помня о глобальной тенденции поляризации и радикализации современных обществ. Эта статья – попытка проследить историю межэтнических отношений в России с точки зрения деколониального подхода, предоставляющего простор для критики современной картины мира и формулирования иной – гибкой и полицентричной – социальной системы. Последнее представляется важным не только во внутрirosсийском контексте, но и в глобальной перспективе.

Цель статьи – рассмотреть проблему внутренней колонизации России и формирование нации в контексте отношений этнических русских и калмыков в деколониальной перспективе.

Эмпирическим материалом для исследования выступила книга миссионера и этнографа Я.П. Дубровы «Быт калмыков Ставропольской губернии до издания закона 15 марта 1892 года» [5].

Внутренняя колонизация России

Концепция внутренней колонизации в последние годы привлекает большое внимание исследователей постколониальной проблематики России. Такой интерес связан прежде всего со спецификой самой российской истории, важность внутренней колонизации для которой еще в XIX столетии отмечал историк В.О. Ключевский [9, с. 54]. В данном случае под внутренней колонизацией понимаются миграционные волны русских крестьян в новопокоренные государством территории. Колониальную историю России принято рассматривать в контексте означенной концепции, что продиктовано причинами географического характера. Внутреннюю колонизацию следует отличать от внешней: внешняя колонизация представляла собой установление контроля над территорией за пределами государства, как правило, на другом континенте; внутренняя же – культурную экспансию внутри уже существующих границ [16, с. 17–18]. Сухопутный характер российской колонизации сделал возможным реализацию более эффективного, чем в морских империях, контроля над колониями, поскольку расширение границ сопровождалось переселением на новые территории русских крестьян из центральных губерний, а также их постоянной естественной миграцией на юг и восток [6].

Оригинальное раскрытие концепция внутренней колонизации получила в работах историка А. Эткинда. Исследователь применяет колониальную оптику для описания культурных различий между этническим русским крестьянством и остальными сословиями Российской империи – дворянством, чиновничеством, купечеством и др. Европеизированные высшие сословия, составляя несомненное меньшинство в обществе, обладали властью и капиталом, в то время как крестьяне, сохранявшие традиционную культуру, были лишены реального политического представительства и земельной собственности [16]. Образовавшуюся культурную пропасть между сословиями Эткинд демонстрирует среди прочих на примере путевых заметок поэта и дипломата Александра Грибоедова, описывавшего свои впечатления от поездки в русскую деревню Парголово:

«Ближнюю поездку за город Грибоедов описывает так, будто это путешествие в далекую страну. <...> он любит движениями и песнями благородных дикарей; он знает, что неправильно понимает смысл этих песен и ритуалов. Пришелец мечтает соединиться с туземцами, но с печалью признает, что это невозможно. <...> Цивилизованные финны живут поблизости

от Парголова, а дикие тунгусы – далеко в Сибири, но у обоих народов больше шансов попасть в имперскую элиту, чем у русских крестьян, утверждает Грибоедов» [16, с. 168].

Предпосылки внутренней колонизации России во внешней перспективе показывает историк В. Морозов. В XVI в. глобальная торговля претерпевает кардинальные изменения и становится океанской, в силу чего внутренние торговые пути России утрачивают свое прежнее значение [18, с. 87]. Отныне российская экономика принимает ресурсно-ориентированный вид, снабжая европейские страны мехом, льном, воском, пенькой и – с конца XVIII столетия – зерном [18, с. 87–88]. В результате Россия оказывается в положении экономической (в интерпретации Морозова – колониальной) зависимости от Запада, которая, пусть и в отсутствие прямого военно-политического контроля извне, определила ключевые стороны российской истории – необходимость постоянного расширения границ и поддержания авторитарного строя [18, с. 87–88; 16, с. 112–122].

По мнению В. Морозова, Россия становится империей-субалтерном, т.е. колониальной державой в статусе локального гегемона на своей территории со всей полнотой суверенитета, но одновременно неспособной артикулировать свою идентичность вне западноевропейских колониальных нарративов [18, с. 79].

Большим упущением работ Эткинда и Морозова, на наш взгляд, является игнорирование колониального различия между русскими и нерусскими в Российской империи. Рассмотрением этой проблемы занимается российская исследовательница М. Тлостанова, применяющая в своих работах деколониальный подход. Деколониальная теория сложилась во второй половине XX в. в кругу таких латиноамериканских исследователей, как В. Миньоло, Э. Дуссель, А. Кихано и др. Предмет изучения деколониалистов – западноевропейские колониальность и модерность, сформировавшие европоцентричный глобальный порядок, в том числе парадигмально – в гуманитарных и социальных науках; а также способы его преодоления через восстановление идентичности колонизированных народов [17, с. 11–115].

Последний аспект говорит об активистской установке деколониальной теории, которая обращается к субъекту пограничного сознания, одинаково чуждого как колониальной, так и родной культуре [13]. В данных теоретических рамках Тлостанова рассматривает не только положение России как «периферийной империи», что согласуется с «империей-субалтерном» Морозова, но и постколониальный статус нерусских народов Российской империи, испытавших подчинение уже в российской колониальной матрице.

Этническая сторона колониальных различий в российской истории, безусловно, заслуживает внимания, поскольку русский народ, пусть и находясь в субалтерном положении, представлял собой фигуру, в обращении к которой

и вокруг которой конструировались идеология и национальный миф государства в разные эпохи его существования [3; 14]. В этом политическом контексте и формировались субалтерные связи уже между русскими и инородцами.

Итак, проанализировав основные направления в изучении процессов внутренней колонизации России, мы выявили необходимые для нас в рамках данного исследования проблемы: межсословные колониальные различия, внешние факторы внутренней колонизации, а также этнические различия в российской колониальной иерархии. Для получения полноценной исследовательской картины все это, безусловно, необходимо учитывать при анализе отношений русских крестьян и калмыков в XIX в.

Земельные взаимоотношения этнических русских с калмыками в конце XIX – начале XX вв.

Материалом для исследования мы избрали работу православного миссионера и этнографа Я.П. Дубровы «Быт калмыков Ставропольской губернии до издания закона 15 марта 1892 года» [5]. В своей книге автор, в период 1889–1894 гг. занимавшийся миссионерской деятельностью в Ставропольской губернии, приводит исторический и этнографический портреты калмыцкого народа, а также освещает социальные проблемы жизни ставропольских калмыков: борьба с русскими крестьянами-переселенцами за землю и возникшая вследствие этого межэтническая рознь; неспособность царской администрации регулировать социальную жизнь региона; трудности приобщения калмыков к земледелию и русской культуре. В данной статье нас интересует последняя – социальная – часть текста Дубровы, на основе которой мы попробуем произвести анализ отношений русских крестьян и калмыков в заявленном периоде.

Британский социолог Б. Андерсон относит Российскую империю к странам официального национализма². Обоснованием этого служит формула министра просвещения С. Уварова: «Православие. Самодержавие. Народность», которая, впрочем, как замечает и сам исследователь, не получила должного развития. Андерсон трактует уваровскую «народность» в значении национальности – *nationality*, – что, как отмечает философ С. Баньковская – научный редактор и автор вступительной статьи к изданию «Воображаемых сообществ» на русском языке – не совсем верно [1, с. 14]. Вви-

² «Официальный» тип национализма связан с реакцией европейских государств на стихийно возникающие республиканские и лингвистические национальные движения. Официальный национализм Андерсон ассоциирует с империями – в первую очередь Австро-Венгерской и Российской – инициировавших аккультурацию в своих колониях и перифериях насаждением языка метрополии. Империя, таким образом, подавляет антиколониальные движения, перенимая их же успешный опыт [1, с. 105–132].

ду непереводимости специфического русского слова «народность» на английский язык Андерсон интерпретировал проект Уварова как манифест построения нации из разрозненной, состоящей преимущественно из крестьян и колонизированных этносов, народной массы; в действительности же «народность», понимаемая как ориентация на традиционные ценности русского крестьянства, была реакцией на революционные республиканские движения в Европе и Америке – неслучайно триада Уварова так синтаксически созвучна девизу Великой французской революции «Свобода. Равенство. Братство» [3; 7]. Следовательно, уваровская формула являлась не призывом к консолидации для широких масс, а антиреспубликанским предупреждением для высших сословий, в своей европеизированности увлеченных идеями Просвещения. Подлинно же народнические идеи – пусть и в романтически ориентализированной форме, – развиваемые А.С. Хомяковым, К.С. Аксаковым, Ю.С. Самариным и другими, государство подвергало цензуре, считая чуждыми себе и, вероятно, опасными в смысле возможного появления организованного национального движения в народной среде [3].

Справедливым аргументом Андерсона в пользу практики официального национализма в России является политика русификации, проводившаяся с XVIII в. и достигшая пика при Александре III (1881–1894), годы правления которого как раз приходятся на рассматриваемый нами период. Русификация, реализуемая насаждением русского языка и православия, несомненно, является признаком официального национализма, однако Андерсон переоценивает эффективность этой политики. Государственные меры по интеграции колонизированных народов в русскую культуру встречали ряд проблем: отсутствие всеобщего образования; отсутствие социальной мобильности, достаточной для мотивирования инородцев интегрироваться в русскую культуру; неэффективность государственных органов, прежде всего – администраций на колонизированных территориях.

На все эти проблемы указывает и Дуброва, говоря о школах для калмыков: «Если же улусной школе таково (небольшое – *прим. авт.*) количество обучающихся, то понятно, что не может быть и речи о влиянии этой школы на калмыцкое население, равно и о развитии русской грамотности среди него. В этом отношении значение училища сводится к нулю и нет ничего удивительного, что калмык, вышедший из него, пишет не “квитанция”, а “капитанция”... Совсем иначе поставлено дело обучения калмыцких детей их родной грамоте. Знающих ее очень значительный процент. Мы не ошибемся, если скажем, что половина населения улуса знает калмыцкую грамоту. Объясняется это тем, что при каждом хуруле есть школа, в которой гэлюны (духовные лица) охотно и безвозмездно обучают калмыцких детей грамоте. Не лишне заметить и то, что школы эти существуют вне закона и официальные лица пока не касаются их» [5, с. 140–141].

Еще хуже продвигалось распространение православия среди инородческого населения России. В XIX в. государство достигло успехов только в борьбе с униатской и римско-католической церквями на территории современных Белоруссии, Литвы, Украины и – в меньшей степени – Польши; также не удалась христианизация сибирских народов, исповедовавших язычество, и буддистов – бурят с калмыками [11; 8]. Однако с обращением инородцев в православие все обстояло сложнее. Крещение происходило чаще всего номинально. Духовенство, как правило, не занималось должной интеграцией новообращенных в церковь. Реальное положение дел обнажил указ «Об укреплении начал веротерпимости» 1905 г., после которого инородцы, формально поколениями исповедовавшиеся православие, стали массово возвращаться к вере предков [15, с. 77–86]

Наибольшей эффективностью в колонизационных процессах империи обладали переселения – принудительные и естественные – русских крестьян на новые территории, но этот аспект, на наш взгляд, необходимо классифицировать как механизм не официального, а гражданско-республиканского национализма, в данном случае – предпосылки его зарождения³. Дело в том, что государство, иницируя заселение крестьянами той или иной территории, не было способно регулировать жизнь переселенцев на новом месте. Главной проблемой был земельный вопрос, который в случае Ставропольской губернии данного периода столкнул между собой безземельных русских крестьян и калмыков:

«Глядя на этих людей, соблазненных искаженным слухом о калмычине, гонимых нуждой за тысячи верст искать “осадыбы” и земли, где можно было бы не держать “курей на привязи”: сталкиваясь с их тупым, обидным подчас недоверием к словам искреннего доброжелательства, – стыдно было сердиться на слишком уже прозрачные намеки на лукавство, подвохи и желание “сорвать” за открытие правды. Напротив, об этих бедняках, скажем без жеманства, приходилось только бесконечно сожалеть и в то же время задумываться над прошлым калмыцкой степи и о той цене, какой покупалась правда

³ Б. Андерсон, изучая феномены нации и национализма, приходит к выводу, что впервые полноценные национальные движения возникают в американских колониях – сначала в США, а позже и в Латинской Америке. Причин тому несколько: распространение печати – «печатного капитализма», – сделавшего возможным внедрение массового чтения газет и романов, что привело к воображению государства как единого этнокультурного и политического пространства; формирование литературного – впоследствии национального – языка, унифицирующего общество; движение «креольских пионеров» – уроженцев колоний, совершавших политические и деловые «паломничества» – поездки – в имперскую метрополию, усваивая тем самым особое «национальное» представление о пространстве нации, его неоднородности; и наконец – противопоставление себя колонией метрополии, возникшее в силу неспособности последней к регулированию проблем первой и ее репрезентации [1, с. 60–88]. Этот тип национализма можно классифицировать как гражданско-республиканский или креольский.

и нелегальное право селиться на ней... да еще о тех чувствах враждебности и последствиях ее, какие испытывали калмыки при виде налетевших на их землю хищников (с точки зрения калмыков)... Оставляя же поселок, движимая надеждой поселиться в нем толпа шла в г. Ставрополь-Кавказский и там сотнями подавала прошения о причислении в “крещеный поселок”. Просьбы подавались не только губернатору и приставу кочующих народов, но даже архиерею и ректору духовной семинарии. И все это в надежде: “авось, мол, если не там, так здесь выплывет наружу страстножелаемая правда об осадьбах на калмычине”. Лично мне совершенно неожиданно и от совершенно неведомых мне крестьян приходилось получать письма из Курской и Воронежской губерний со “слезной просьбой” и “припаданием к стопам ног” “не оставить несчастные семьи” и уведомить, куда и к кому следует обращаться с просьбой о приписке к “крещеному поселку”...» [5, с. 140–141].

В складывающейся ситуации земельные калмыки оказались уязвимыми. Наделив калмыков землей, имперская администрация не разработала систему должных мер по помощи в освоении калмыками земледелия: «Не в лучшем положении находится и забота администрации о “прихоживании” калмыков к занятию земледелием. Мы уже упоминали, что калмыки Больше-Дербетского улуса едва только ступили на путь земледельческой культуры и к обработке земли пока еще не имеют ни навыка, ни особенной охоты, ни средств, ни самого необходимого сельскохозяйственного инвентаря. У массы населения нет ни плугов, ни борон, ни быков или же лошадей, приученных к плугу. Калмыцкие же культуртрегеры, начиная с попечителя улуса и кончая главным приставом, на все это не обращают решительно никакого внимания, не признают никакой постепенности в деле обучения земледельческому труду» [5, с. 141].

Ввиду этого калмыки были вынуждены сдать землю в аренду крестьянам, что между тем не приносило достаточного дохода: «В то же время, как эксплуататоры калмыцкой земли богатели, пользуясь ею чуть не даром, сами калмыки, попав в экономическую зависимость от арендаторов своей земли, получая жалкие гроши за массу отданных в аренду участков, – сразу же очутились без земли и тем лишились возможности “кочевать”, почему, поневоле, и должны были обратиться в полуоседлое население, принужденное ютиться со своими кибитками и остатками скота на худших местах своих дач, ибо лучшие сданы были в аренду. В связи же со всем этим ускоренная сдача земли в аренду послужила началом и причиной быстрого обнищания калмыков, доведшего их до того жалкого, нищенского состояния, в каком они находятся в настоящее время» [5, с. 158–159].

Аренда земли повлекла за собой и проблему правового статуса собственности на нее: «Мало этого, – расхищение земли (иначе мы не можем назвать практиковавшийся способ раздачи ее в аренду) создало такую пу-

таницу в вопросе о правах калмыков на землю и способах пользования ею, что во многих случаях положительно нет возможности разобраться в них, пока не окончатся сроки сделок калмыцких обществ с арендаторами их земли, заключенных до 1892 г., т.е. до издания закона 15 марта об освобождении народа от обязательных отношений к его привилегированному сословию. К несчастью же калмыков много есть контрактов, сроки коим наступят не ранее пяти-шести лет после 1892 г. Слова нет, что ограничение прав калмыков относительно пользования землей, отведенной им в 1871 г. в виде душевого надела под оседлые поселения, равно и значение статьи "Положения 1847 года", по коей начальству предоставлялось право отбирать от калмыков землю, раз они не пользуются ею, – потеряет силу, если кочевники обоседаются. Но для этого нужно прийти на помощь калмыкам и очистить их землю от незаконного по явно убыточным договорам, захвативших ее. Ввиду этого было бы желательной правительственной мерой, вызываемой самой насущной безотложной потребностью, – уяснить законность арендаторских контрактов, правильность общественных приговоров, на основании коих заключались контракты, устранить все фальшивое и сделать калмыков настоящими, опирающимися на незыбкий закон, хозяевами своей земли» [5, с. 159].

Означенные обстоятельства вынуждали людей – с обеих сторон – разрешать противоречия самостоятельно, вне правового поля, что полнее всего выразилось в попытке насильственного передела земли крестьянами во время революционных событий 1905–1907 гг. [12]. В этой тенденции Ставрополье не было уникальным. Социолог Т. Шанин, сделавший огромный вклад в изучение крестьянства как социальной группы, отмечал, что в XX в. «крестьянские восстания превратились в крупную революционную силу, действенный фактор общественного развития» [2, с. 13].

Неспособность государства решить земельный вопрос – краеугольный камень межсословной розни в Российской империи – и колоссальная культурная пропасть между крестьянством и дворянством в совокупности с отсутствием способов ее устранения с помощью массового образования привели к осторожности в политике переселений. Царская власть, по замечанию Эткинды, опасалась возможности обратной ассимиляции русских, т.е. их креолизации с местными народами, примеры чему уже были в Сибири и на Кавказе. Так, например, был отвергнут проект Грибоедова по созданию русского аналога Ост-Индской компании в Закавказье – как считает Эткинд, из страха повторения там опыта Американской революции [16, с. 169–170].

Тем не менее широкие миграционные процессы оказывали на русских преимущественно унифицирующее воздействие, в первую очередь – в языке. Особую важность здесь представляет отсутствие региональной сегментации – миграционные потоки шли преимущественно из перенасе-

ленных центральных и южных губерний по всем направлениям, пресекая возможность формирования изолированных от внешнего влияния русифицированных регионов. Высокая пространственная мобильность в сочетании с относительным конфессиональным единством крестьян (согласно переписи 1897 г. старообрядцы в большинстве губерний составляли не более 2,5% и лишь в нескольких – до трети) стирала диалектические и субэтнические различия; в том числе там, где прежние переселенцы подвергались креолизации

Параллельно с этим в XIX в. формируется классическая русская литература, за одно столетие создавшая, пожалуй, и сегодня ключевой для русской идентичности национальный миф. Кратко заметим, что русская литература этого времени следовала западноевропейскому канону и создавалась представителями высших сословий, однако без нее не была бы возможна литература XX в. – как новокрестьянская и деревенская, обращенная к типически русским темам, так и авангардная с соцреалистической, порывавшая с традицией и формулировавшая новый – уже советский – национальный миф.

Бесспорно, подавляющее большинство крестьян не владели грамотой, ввиду чего были лишены возможности чтения, но сама языковая и этническая унификация, а также полноценная литературная традиция аккумулировали значимый потенциал, обнаруживший себя во время революционных событий 1905–1907 и 1917 гг., когда противостояние аграрных периферий с метрополией достигли высочайшей точки.

Существенным отличием складывавшейся в России ситуации от американских антиколониальных революций является следующее. В Америке освободительную борьбу инициировали креолы – потомки европейских переселенцев, – которые только спустя время интегрировали в сформировавшуюся нацию индейское и африканское население. В Российской же империи эти процессы происходили одновременно – сонаправленно и контр-направленно. Этнические меньшинства принимали активнейшее участие в Первой русской революции 1905–1907 гг., о чем в том числе говорят и некоторые ее итоги – введение свободы вероисповедания и расширение свобод в Польше, Литве и Латвии. Октябрьская революция и последовавшие за ней неудачи на фронтах Первой мировой войны дали окончательную инерцию национальным движениям этнических окраин распадающейся империи, что, впрочем, не нуждается в отдельном комментарии, поскольку природа их обладает прозрачным антиколониальным характером. Говоря о событиях 1917 г., нас интересует другое.

Этнические различия в советский период

Одержав победу в революционной борьбе, большевики запустили процесс устранения последствий продолжительного сословного неравенства и влияния прежних – монархических и демократических – элит. Этот аспект полностью согласуется с общим антиметропольным настроением крестьянства. Вторым же направлением их политики стало провозглашение интернационализма, отразившееся в создании национальных республик и проведении в них кампании по коренизации. Предпосылкой этому послужили не только положения марксизма, но и объективная необходимость – советской власти требовалось прийти к компромиссу с этническими элитами и легитимизировать себя в глазах беспокойных народных масс. Следует заметить, что и среди самих большевиков находилось существенное количество представителей миноритарных народов [10].

Активность и успех этнических меньшинств в революционных событиях обнаруживают признаки национальных движений гражданско-республиканского и лингвистических типов, между тем суть их амбивалентна. Развиваясь одновременно с крестьянским национализмом, они, с одной стороны, противостояли им, утверждая свое право на иную идентичность и свободу; с другой – поддерживали русских с окраины империи в борьбе с метрополией.

Подобную амбивалентность можно объяснить континентальным характером Российской империи. Колонии морских империй в сознании их жителей являлись осязаемым сепаратным пространством ввиду удаленного положения. Воображаемая граница, разделяющая колонию и метрополию, равно как и их жителей, проходит по физически доступной морской границе, даже если политические границы, как в случае британских колоний в Северной Америке, находятся в перманентном движении. В континентальной же России пространство недискретно, воображаемые границы в нем ложатся умозрительно – пределами этнических поселений. Крестьянские миграции способствовали упрочению этого свойства, делая пространство империи все более гомогенным.

Скрепляли эту конструкцию субалтерные связи. Заселяя новые территории, русские формировали вокруг себя аффилированную с государством инфраструктуру, вовлечение в деятельность которой требовало русификации. Местные культуры и миноритарные языки становились непрестижными, а их носители – субалтернами, поглощенными чуждым себе пространством.

Русские, сами находившиеся в положении колонизированных, были экзистенциально важным для империи инструментом колонизации. Ту же функцию они выполнили и в советскую эпоху. Именно на основе их национального формирования советское государство конструировало единую советскую идентичность. Русский язык стал общегосударственным, русская

литература – основой общенационального мифа и образцом для советского искусства, сами русские – фигурой «народа-освободителя» [14].

Тем не менее русские сохранили субалтерный статус и в советское время, поскольку завершение процесса формирования их как нации было артикулировано языком западной идеологии [6].

Заключение

Подводя итоги следует сказать, что проведенный анализ направлений внутренней колонизации позволил выявить такие проблемы, как межсословные колониальные различия, внешние факторы внутренней колонизации, а также этнические различия, существовавшие в российской колониальной иерархии. Данные проблемы были учтены при изучении земельных отношений русского крестьянства и калмыков, описанных в работе Я.П. Дубровы «Быт калмыков Ставропольской губернии до издания закона 15 марта 1892 г.». Исследование позволило выявить специфику колониационных процессов в Российской империи XIX в. Основой ее выступала политика крестьянских переселений, способствовавшая унификации этнических русских.

Имперская администрация на местах была неспособна в достаточной мере регулировать жизнь переселенцев и калмыков, проживавших на выделенных им территориях, что в случае Ставропольской губернии приводило к возникновению межэтнических конфликтов, связанных с земельным вопросом. Советский проект модерности, несмотря на проводимую политику создания равенства между большими и миноритарными народами, все же не преодолел существовавший в Российской империи антагонизм, обусловленный этническими различиями. Так же как в имперский период, русские были экзистенциально важным инструментом колонизации, в период реализации проекта советской модерности русские вновь стали фигурой «народа-освободителя».

В деколониальной перспективе русские сохранили свой субалтерный статус и в советское время, поскольку завершение процесса формирования их как нации было артикулировано языком модерности, т.е. языком нарратива модерности и колониальности.

Сахаров Алексей Сергеевич – лаборант-исследователь НИЧ-90 Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева.

443086, Россия, г. Самара, Московское шоссе, д. 34.

Alexey S. Sakharov – Research assistant, Research department-90, Samara University.

443086, 34 Moskovskoye shosse, Samara, Russia.

saharovatlt@gmail.com

Четырова Любовь Борисовна – доктор философских наук, профессор кафедры философии Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева.
443086, Россия, г. Самара, Московское шоссе, д. 34.

Lyubov B. Chetyrova – Sc.D., Professor, Department of Philosophy, Samara University.
443086, 34 Moskovskoye shosse, Samara, Russia.
chetyrova@gmail.com

Список литературы

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: КАНОН-пресс-Ц, 2001. 288 с.
2. Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире: Пер. с англ. / Сост. Т. Шанин; под ред. А.В. Гордона. М.: Прогресс: Прогресс-Академия, 1992. 432 с.
3. Вортман Р. «Официальная народность» и национальный миф российской монархии XIX в. // РОССИЯ / RUSSIA. Вып. 3 (11): Культурные практики в идеологической перспективе. М.: ОГИ, 1999. С. 233–244.
4. Гаврилова Н.Ю., Дудин В.Е., Устинова О.В. Миграционная политика в дореволюционной России // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/migratsionnaya-politika-v-dorevolutsionnoy-rossii> (дата обращения: 25.07.2023).
5. Дуброва Я.П. Быт калмыков Ставропольской губернии / Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1998. 96 с.
6. Дэвид-Фокс М. Модерность в России и СССР: отсутствующая, общая, альтернативная или переплетенная? / Пер. с англ. Т. Пирусской // Новое литературное обозрение. № 16. 2016. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/140_nlo_4_2016/article/12048/ (дата обращения: 21.03.2022).
7. Зорин А. Идеология «православия – самодержавия – народности»: опыт реконструкции // Новое литературное обозрение. 1996. № 26. С. 71–104.
8. Кабузан В.М. Распространение православия и других конфессий в России в XVIII – начале XX в. (1719–1917) // Религия и церковь в истории России: современная историография. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rasprostranenie-pravoslaviya-i-drugih-konfessiy-v-rossii-v-xviii-nachale-xx-v-1719-1917> (дата обращения: 07.08.2023).
9. Ключевский В.О. Курс русской истории. В 9 т. Т. 1. М.: Мысль, 1987. 431 с.
10. Кричевский Л.Ю. Евреи в аппарате ВЧК – ОГПУ в 20-е годы // Евреи в русской революции. М., 1999. С. 320–350.
11. Орлова К.В. История христианизации калмыков. Середина XVII–XX в. М.: Восточная литература, 2006. 208 с.
12. Очиров У.Б. Калмыки в составе астраханского казачества в период Гражданской войны 1917–1920 гг. // Вестник РУДН. История России. 2006. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kalmyki-v-sostave-astrahanskogo-kazachestva-v-period-grazhdanskoj-voyny-1917-1920-tt> (дата обращения: 29.07.2023).
13. Тлостанова М. Постколониальный удел и деколониальный выбор: постсоциалистическая медиация // Новое литературное обозрение. 2020. № 161 (1). URL: <https://www.nlobooks.ru/magazines/> (дата обращения: 30.07.2023).
14. Четырова Л.Б., Сахаров А.С. Модерность и трансформация риторики спасения // Вестник Калмыцкого университета. № 2 (54). 2022. С. 120–126.

15. Четырова Л.Б. Российские калмыки: очерки по истории, культуре, буддизму и языку. Самара: Самарский университет. 2016. 188 с.
16. Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М.: НЛО, 2013. 448 с.
17. Mignolo, W., Walsh, C.E. On decoloniality: Concepts, analytics, praxis. Durham: Duke University Press, 2018. 291 p.
18. Morozov V.I. (2015), Russia's postcolonial identity. A subaltern empire in a Eurocentric world. Houndmills, Basingstoke, Hampshire: Palgrave Macmillan, 2015. 209 p.

References

1. Anderson B. Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokah i rasprostraneniі nacionalizma. M.: KANON-press-C, 2001. 288 s.
2. Velikij neznakomec: krest'yane i fermery v sovremennom mire: Per. s angl. / Sost. T. Shanin; pod red. A.V. Gordona. M.: Progress: Progress-Akademiya, 1992. 432 s.
3. Vortman R. «Oficial'naya narodnost'» i nacional'nyj mif rossijskoj monarhii XIX v. // ROSSIYA / RUSSIA. Вып. 3 (11): Kul'turnye praktiki v ideologicheskoy perspektive. M.: OGI, 1999. S. 233–244.
4. GavriloVA N.Yu., Dudin V.E., Ustinova O.V. Migracionnaya politika v dorevolucionnoj Rossii // Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. 2018. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/migratsionnaya-politika-v-dorevolucionnoj-rossii> (access date: 25.07.2023).
5. Dubrova Ya.P. Byt kalmykov Stavropol'skoj gubernii / Elista: Kalmyckoe knizhnoe izdatel'stvo, 1998. 96 s.
6. Devid-Foks M. Modernost' v Rossii i SSSR: otsutstvuyushchaya, obshchaya, al'ternativnaya ili perepletennaya? / Per. s angl. T. Pirusskoj // Novoe literaturnoe obozrenie. № 16. 2016. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/140_nlo_4_2016/article/12048/ (access date: 21.03.2022).
7. Zorin A. Ideologiya «pravoslaviya – samoderzhaviya – narodnosti»: opyt rekonstrukcii // Novoe literaturnoe obozrenie. 1996. № 26. С. 71–104.
8. Kabuzan V.M. Rasprostranenie pravoslaviya i drugih konfessij v Rossii v XVIII – nachale XX v. (1719–1917) // Religiya i cerkov' v istorii Rossii: sovremennaya istoriografiya. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rasprostranenie-pravoslaviya-i-drugih-konfessij-v-rossii-v-xviii-nachale-xx-v-1719-1917> (access date: 07.08.2023).
9. Klyuchevskij V.O. Kurs russkoj istorii. V 9 t. T. 1. M.: Mysl', 1987. 431 s.
10. Krichevskij L.Yu. Evrei v apparate VchK – OGPU v 20-e gody // Evrei v russkoj revolucii. M., 1999. S. 320–350.
11. Orlova K.V. Istoriya hristianizacii kalmykov. Seredina XVII–XX v. M.: Vostochnaya literatura, 2006. 208 s.
12. Ochirov U.B. Kalmyki v sostave astrahanskogo kazachestva v period Grazhdanskoj vojny 1917–1920 gg. // Vestnik RUDN. Istoriya Rossii. 2006. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kalmyki-v-sostave-astrahanskogo-kazachestva-v-period-grazhdanskoj-voyny-1917-1920-tt> (access date: 29.07.2023).
13. Tlostanova M. Postkolonial'nyj udel i dekolonial'nyj vybor: postsocialisticheskaya mediaciya // Novoe literaturnoe obozrenie. 2020. № 161 (1). URL: <https://www.nlobooks.ru/magazines/> (access date: 30.07.2023).
14. Chetyrova L.B., Saharov A.S. Modernost' i transformaciya ritoriki spaseniya // Vestnik Kalmyckogo universiteta. № 2 (54). 2022. S. 120–126.
15. Chetyrova L.B. Rossijskie kalmyki: ocherki po istorii, kul'ture, buddizmu i yazyku. Samara: Samarskij universitet. 2016. 188 s.

16. Etkind A. Vnutrennyaya kolonizaciya. Imperskij opyt Rossii. Moskva: NLO, 2013. 448 s.
17. Mignolo, W., Walsh, C.E. On decoloniality: Concepts, analytics, praxis. Durham: Duke University Press, 2018. 291 p.
18. Morozov V.I. (2015), Russia's postcolonial identity. A subaltern empire in a Eurocentric world. Houndmills, Basingstoke, Hampshire: Palgrave Macmillan, 2015. 209 p.